УДК 94(476)«1917/1918»
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00010

Александр Смоленчук

Идея автономии в белорусском национальном движении в период Российской революции 1917–1918 гг.[1]

Революция 1917 г. кардинально изменила Россию. Февральские волнения в Петрограде привели к падению самодержавия и установлению невиданного прежде уровня политической свободы. Перемены обернулись легализацией и активизацией национальных движений, в программах которых особую популярность приобрела идея автономии.

Какое значение имела эта идея для белорусского движения? Могла ли она способствовать его консолидации? Как ее оценивали другие акторы белорусской политической сцены? Для ответа на эти вопросы попытаюсь выйти за рамки социалистической составной белорусского движения, которой обычно и ограничивается его история. Рассматривая данную проблему, следует обратить внимание также на представителей иных политических течений, в том числе сторонников так называемой «краевой идеи».

В начале XX в. «краевцы» попытались противопоставить идеологии этнокультурного национализма доктрину своего рода политической нации «литвинов», где главным критерием национальности становился патриотизм каждого «гражданина Края», под которым понимались земли «исторической Литвы» после Люблинской унии. «Краевая идея» родилась в среде «литовских поляков», в сознании которых культурная принадлежность к польской нации переплеталась с восприятием «Края» (не Польши!) как своей Родины[2]. «Краевцы» стремились сохранить единство земель и народов Белорусско-Литовского края. Их программа включала созыв краевого сейма в Вильне и была ориенти-

рована на автономию белорусско-литовских земель. Деятельность «краевцев» оказала влияние на эволюцию белорусской идеи, а один из главных идеологов консервативного направления «краевости», землевладелец и предприниматель Роман Скирмунт в марте 1917 г. возглавил белорусское движение на восток от линии фронта[3].

В белорусском национальном движении идея автономии Беларуси в составе Российской демократической республики впервые была проговорена в программе Белорусской социалистической громады (БСГ)[4], в которой положения социалистической доктрины соседствовали со взглядами либеральных народников и революционных демократов. Произошло это еще накануне революции 1905–1907 гг. Позднее о необходимости максимально широкого местного самоуправления и успехах автономии в Финляндии постоянно напоминала своим читателям главная газета белорусского национального движения «Наша Ніва» (1906–1915).

Что собой представляло белорусское национальное движение накануне Российской революции? Организационно оно оформилось только в начале XX в., когда возникла первая политическая партия (БСГ) и появилась легальная печать (газеты «Наша доля» и «Наша Ніва»). Это было время быстрого развития элитарной белорусской культуры и распространения национальной идеи. Однако как раз в последнем белорусское движение не преуспело.

Этнокультурный вариант национальной идеи не пользовался большой популярностью среди массы белорусского населения, что, кроме всего прочего, было обусловлено как полонизацией (самополонизацией) белорусской элиты в XVII–XVIII вв., так и политикой русификации в XIX — начале XX в. Власти имперской России сумели изолировать белорусскую интелигенцию от основной массы населения, противопоставив белорусской национальной идее концепцию «западноруссизма» и великорусский шовинизм. Не менее сложно белорусским политикам было выдерживать идейную конкуренцию с более развитыми польским и литовским движениями.

Все эти трудности заставили белорусских политиков обратить внимание на «краевую идею» и в межреволюционный период заняться ее пропагандой. Правда, белорусский подход был довольно прагматичным. Белорусы видели в ней скорее средство расширения социальной базы собственного национального движения, чем идеологию новой политической нации. Тем не менее идея белорусско-литовского единства на определенный период стала элементом национальной идеи.

Последнее проявилось также в деятельности белорусских организаций на территориях, оккупированных немецкими войсками в период Первой мировой войны. Признанные лидеры белорусского движения братья Иван и Антон Луцкевичи и Вацлав Ластовский взяли на вооружение идейные установки «краевцев». На рубеже 1915–1916 гг. по их инициативе представители демократических направлений белорусского, польского и литовского движений, деятели

еврейских организаций создали Временный совет Конфедерации Великого Княжества Литовского. Совет обратился к Берлину с просьбой поддержать создание Белорусско-Литовского государства, которое бы ориентировалось на Германию и Австро-Венгрию[5]. Однако польско-литовские национальные противоречия довольно быстро разрушили этот совет.

Белорусские политики также использовали предоставленные немецкой оккупационной администрацией возможности для национально-культурного развития и пропаганды белорусской идеи. В июне 1916 г. впервые на международном форуме (III съезд народов Центрально-Восточной Европы) в Лозанне они заявили о праве белорусского народа на самоопределение.

Однако в целом ситуация Беларуси накануне Российской революции была трагической. Ее территория была перерезана линией фронта. Почти 3 миллиона жителей Гродненской и Минской губ. в 1915 г. были принудительно эвакуированы на восток[6]. Прифронтовые губернии были переполнены войсками и беженцами из Царства Польского, которые не понимали или же не хотели понимать и учитывать национально-культурные и исторические особенности Белорусского края. Красноречивым свидетельством этих процессов был сам Минск, в котором «пришлый элемент» в начале 1917 г. более чем в три раза превысил довоенное население города.

Единственной белорусской организацией в Минске было Белорусское общество помощи жертвам войны[7], которое имело постоянные проблемы с финансированием. Власти Российской империи, которые в период войны поддерживали деятельность большинства национальных благотворительных организаций, отказывались финансировать это общество, ибо не признавали белорусов как нацию. В январе 1917 г. Белорусское общество возглавил Роман Скирмунт. После свержения династии Романовых эта организация неожиданно оказалась в авангарде белорусского движения.

В Минске информацию о февральских событиях в Петрограде встретили с радостью и энтузиазмом. Вот как описывал настроения минчан один из корреспондентов газеты «Минский листок»: «Немедленно в городе начались торжества, живой, горячий энтузиазм охватил все массы населения, весь город. Смещение прежних властей, удаление полиции, уничтожение гнезд самодержавия прошло спокойно и мирно, без всяких эксцессов. Только жандармерия успела сжечь свои дела и предать забвению “славную” деятельность минских охранников и провокаторов, смешав с пеплом их “достопочтенные” имена»[8].

Многих поразила быстрота перемен. Так, бессменный руководитель Минского общества сельского хозяйства Эдвард Войнилович в воспоминаниях отмечал легкость свержения царизма, который еще вчера казался неприступным, а также отсутствие его защитников среди военных, чиновников и духовенства[9].

С началом революции Роман Скирмунт инициировал превращение скромной благотворительной организации в Белорусский национальный комитет, который сразу же начал энергичную организационную и пропагандистскую

работу. В его составе преобладали представители социалистического крыла белорусского движения, что свидетельствовало о стремлении Скирмунта к объединению всех направлений белорусского движения. Благодаря его авторитету белорусская организация сразу же стала активным участником политической жизни города, а ее представитель вошел в состав городского Комитета общественной безопасности.

Именно Белорусский комитет и его руководитель Роман Скирмунт первыми выступили публично с лозунгом автономии Беларуси в границах федеративной и демократической Российской республики. Конкретные границы этой автономии Скирмунтом не проговаривались. Как «краевец» он не собирался отказываться от идеи единства земель и народов «исторической Литвы». Однако большинство политиков Белорусской социалистической громады видело в составе автономной Беларуси территории Минской, Могилевской, Витебской и Гродненской губ., бóльшую часть Виленской губ. и некоторые поветы Смоленской и Черниговской. При этом они основывались на карте распространения белорусских диалектов, составленной академиком Евхимием Карским.

Несмотря на некоторые разногласия, именно лозунг автономии Беларуси стал доминантой национального движения в 1917 г. и засвидетельствовал его переход на новый этап, в котором национально-культурное возрождение сочеталось с активной политической деятельностью.

12 марта 1917 г.[10] в Минске проходил «День белорусского значка», центральным событием которого стал митинг в кинотеатре «Гигант», на котором выступали Роман Скирмунт, доктор философии Марьян Массониус, члены БСГ Аркадий Смолич, Фабиан Шантыр и др. Разницу их политических взглядов нивелировала приверженность национальной идее. «Если Скирмунт, — вспоминал позднее Макар Костевич (Макар Кравцов), — в каждое слово старался вложить программу, то Шантыр пел гимны революции уже за то, что она есть, что она состоялась. Тогда они были вместе за одним столом президиума»[11]. В единогласно принятой участниками митинга резолюции выделялся главный лозунг белорусского национального движения, а именно — требование автономии Беларуси. Газета «Минский голос» цитировала резолюцию: «Белорусы, стоя на почве краевой автономии, будут выбирать в Учредительное собрание граждан, которые разделяют этот принцип»[12].

Первым наиболее важным делом Белорусского комитета стало проведение в Минске 25–26 марта 1917 г. съезда белорусских партий и организаций. В нем приняло участие более 150 человек, которые представляли весь спектр белорусского движения на восток от линии фронта.

Необходимость проведения такого съезда была обусловлена не только внутренними проблемами белорусского движения, но и внешними факторами. Главным из них была активизация национальных движений в регионе и их требование автономии в составе федеративной России. В частности, это положение содержалось в программе Литовского совета, который был образован

в Петрограде. 4 марта 1917 г. в Киеве была создана Украинская центральная рада (Совет), которая выступила с лозунгом автономии Украины. Весной канцелярия Временного правительства практически ежедневно получала телеграммы от разных украинских организаций с требованием автономии[13]. К этому же стремились латышские организации. Активность соседей непосредственно затрагивала интересы белорусов, так как возникала проблема разграничения территорий национальных автономий. Потенциальная опасность для самоопределения белорусов также присутствовала в процессе возрождения Польского государства.

Март 1917 г. был наполнен бурными дискуссиями о будущем России, а для их белорусских участников также спорами о судьбе Беларуси. Некоторые решения правительства князя Георгия Львова (заявление о независимости Польши, расширение автономии Финляндии) действительно вселяли надежды на превращение бывшей империи в федеративную республику.

Минский съезд избрал Белорусский национальный комитет (БНК), главными задачами которого являлись «организация Беларуси» в контакте с Временным правительством, подготовка выборов в Белорусскую краевую раду и пропаганда выборов в Учредительное собрание на принципах федеративной и демократической Российской республики. Планировалось создание губернских, уездных и даже волостных национальных комитетов.

В состав БНК были избраны Роман Скирмунт, Аркадий Смолич, Павел Алексюк, Леон Дубейковский, Дмитрий Жилунович и др. Преимущественно это были социалисты. Однако при выборах руководителя комитета они поддержали кандидатуру Романа Скирмунта. Никто тогда не думал о возможности быстрой радикализации настроений в обществе. Правительство князя Георгия Львова казалось довольно сильным. В результате дискуссии победило мнение, что переговоры с Петроградом об автономии Беларуси лучше вести Скирмунту, а не белорусским социалистам[14].

Таким образом, в конце марта 1917 г. съезд белорусских организаций и БНК заявили о своей готовности обеспечить конституирование Беларуси как политической единицы в составе демократической Российской федерации. Однако в условиях того времени БНК было чрезвычайно сложно стать зародышем общекраевой власти в Беларуси. Он мог быть только центром консолидации той части белорусского населения, которая оставалась под юрисдикцией России[15].

Одновременно белорусы искали союзников среди других народов Беларуси. В апреле–мае 1917 г. в поддержку автономистских усилий высказались представители местных польских организаций, которые объединились в Польскую раду Минской земли[16]. Роман Скирмунт также стремился заручиться поддержкой идеи автономии со стороны крупных землевладельцев. И в этом достиг определенного успеха. Так, большую помощь белорусской организации оказали княгиня Мария Магдалена Радзивилл и Эдвард Войнилович. Приветственную телеграмму белорусскому съезду прислал князь Станислав Радзивилл из Столина, а в заседаниях БНК участвовал князь Иероним Друцкий-Любецкий.

В тот момент важно было реально оценить возможности белорусского движения. Ведь в первые недели после падения династии Романовых царила настоящая эйфория. Однако очень скоро белорусские политики убедились в силе тенденций централизма как в столице России, так и в самой Беларуси.

В апреле 1917 г. белорусская делегация отправилась в Петроград для переговоров с Временным правительством об автономии края. Визит потерпел неудачу. Как вспоминал позднее член делегации Павел Алексюк, министры Временного правительства внимательно слушали, сочувствовали и... ничего не делали. Результат переговоров он передал одним словом — «вообще»[17]. Неудача этого визита была обусловлена отсутствием как массового движения в поддержку идеи автономии, так и реальной военной силы, которая могла бы за нее бороться. В то же время приезд белорусской делегации в Петроград засвидетельствовал наличие в Беларуси политических сил, которые стремились к ее автономии и к федерализации России. В пределах бывшей империи был впервые актуализирован «белорусский вопрос».

Большое значение в это время имела деятельность БНК по развитию белорусской культуры и пропаганде национальной идеи. Р. Скирмунт знал историю польского национального движения и понимал, что без так называемой «працы органичной», т.е. пропаганды национальной культуры как основы новой идентичности невозможно создать современную нацию. Так, в апреле 1917 г. усилиями БНК было создано Общество белорусской культуры, а в мае был организован театр (Первое общество белорусской драмы и комедии)[18]. В Минске проводились публичные лекции по белорусоведению, на которых освещались разные аспекты белорусской истории и культуры. 14 мая 1917 г. минская газета «Новое Варшавское утро» приглашала на лекцию о важности национальной жизни для белорусов[19]. Был основан Белорусский национальный фонд, средства которого выделялись для поддержки проектов по развитию культуры.

Тема автономии Беларуси была одной из важнейших на страницах периодического издания БНК — газеты «Вольная Беларусь», первый номер которой вышел 28 мая 1917 г. Редактор Иосиф Лёсик был решительным сторонником автономии. Так, в статье «Наши нужды» он утверждал, что все нужды Белорусского края можно обобщить одним словом — автономия. Автономию Лёсик объяснял как «право создавать у себя свои порядки, право на то, чтобы белорусский язык повсеместно господствовал в нашем крае, чтобы на нем учились, разговаривали, чтобы он наравне с русским языком употреблялся в правительственных учреждениях, чтобы развивалась наша культура, литература, чтобы мы, белорусы, были на равных и стояли рядом со всеми народами мира — русскими, поляками, французами, англичанами и т.д.»[20].

В сентябре на страницах газеты появилась статья И. Лёсика «Автономия Беларуси», которая позднее была издана отдельной брошюрой[21]. Очевидно, что необходимость такого издания была обусловлена обострением борьбы вокруг идеи автономии, что, в частности, проявилось в антиавтономистской позиции

делегатов разных крестьянских и солдатских съездов, которые проходили в Беларуси. Автор объяснял их позицию «темнотой и невежеством народа», который поверил голосам тех, кому безразлична судьба Беларуси и кто думает только о сохранении «московского господства».

И. Лёсик объяснял суть автономии так: «Мы должны иметь свой белорусский парламент, свою Белорусскую Краевую Раду, полностью независимую в пределах своего краевого законодательства от центрального общегосударственного правительства. Только такие дела, как отношения с иностранными государствами, таможня, финансовая система, верховное командование военными силами, важнейшие железные дороги должны находиться в распоряжении общегосударственной власти, которая также должна состоять из представителей всех наций и краев».

Самое большое внимание автор уделил объяснению значения автономии не только для политического и национально-культурного развития Беларуси, но также для удовлетворения основных нужд рабочего народа. «В свободном государстве никто не имеет права запрещать жить так, как этого хочет сам народ, но чтобы это не мешало свободной жизни другого народа, потому что каждый народ имеет право на самоопределение <...> И если народ в государстве живет собственной жизнью, имеет свои законы, свои учреждения в родном крае, и никто ему не мешает, то тогда говорят, что этот народ живет *автономно* (курсив автора. — *А. С.*) <...> Если мы любим свой край и желаем ему лучшей доли, если для нас невыносимо рабство, если мы не потеряли остатков национальной чести и человеческого достоинства, то мы должны стать на собственные ноги. Мы должны добиваться самоуправления, ибо московский централизм и польское влияние в конце концов уничтожат нас. <...> Нам нужна автономия, чтобы обеспечить белорусскому хлеборобу наибольший доход, а белорусскому пролетарию — наибольший заработок, чтобы дать своим людям работу дома, на месте, на почве собственной белорусской промышленности, чтобы им не приходилось отправляться в далекую дорогу, на чужбину, когда и сам работник, и его рабочая сила пропадали для нашего края».

Попытка совместить в лозунге автономии национальное и социальное была актуальной, потому что всё более очевидной становилась радикализация социальных требований широких народных масс (в том числе крестьянства), которые активно включались в общественно-политическую жизнь. Однако это совмещение было чревато определенными потерями, тем более что популярные в белорусской деревне организации общероссийских социалистических партий, особенно эсеры и социал-демократы, совершенно отрицали белорусскую национальную идею и трактовали БНК в категориях «панскости» и «польскости».

Следует отметить, что активизация национальных движений и популярность на «окраинах» идеи России как федеративного государства вызывала обеспокоенность всей российской политической элиты — от консерваторов до социалистов. Имея разные взгляды на социальные реформы, они солида-

ризировались на платформе сохранения унитарного и централизованного Российского государства. В Минске одним из инициаторов объединения «государственников» стал Сергей Ковалик, легенда народнического движения. Аналогичную позицию занимал Минский губернский крестьянский комитет, возглавляемый большевиком М. Фрунзе.

20–23 апреля 1917 г. в Минске прошел I съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губ. Он собрал более 800 человек и проходил под диктовку большевиков. Один из его организаторов позднее отмечал, что главной задачей съезда было как раз противодействие белорусскому движению и деятельности БНК.

Следует признать, что большинство белорусского крестьянства было озабочено не столько проблемой национально-государственного самоопределения Беларуси, сколько ежедневными заботами социально-экономического характера. Пропаганда общероссийских социалистических партий, которая утверждала «неделимость» России, критиковала будто бы «буржуазный и помещичий» характер БНК, «польскую» ориентацию БСГ, а также обещала быстрое решение буквально всех существующих проблем, оказалась довольно эффективной. Она разжигала социальные инстинкты «низов», и белорусская идея сгорала в этом пламени, не выдерживая конкуренции.

Антибелорусская агитация «левых» политических партий находила сочувствие среди крестьянской массы еще и потому, что весной 1917 г. БНК не связывал идею белорусской автономии и культурного возрождения с решением актуальных социально-экономических проблем. Белорусский историк Станислав Рудович справедливо отметил, что «отсутствие определенной программы по аграрному вопросу, а также нахождение во главе БНК Романа Скирмунта, который имел репутацию сторонника помещичьего землевладения, лишало Комитет и связанные с ним организации существенной поддержки со стороны населения»[22].

Неудовольствие высказывали региональные белорусские организации, а внутри БНК постепенно сформировалась оппозиция из представителей БСГ. Следует отметить, что социалисты, даже голосуя за Романа Скирмунта, не доверяли «социально чуждому» коллеге. Его стремление к объединению всех белорусских сил, попытка привлечь к работе БНК представителей крупного землевладения вызывали недовольство социалистов. Но главной причиной раскола и отставки Р. Скирмунта с поста главы БНК в мае 1917 г. стала чрезвычайно быстрая радикализация настроений общества.

Вместе с ним потерпела поражение идея консолидации белорусского движения. Наступил период, когда социальные разногласия оказались сильнее общенациональной идеи. Это была «дорога в никуда», поскольку при отсутствии широкой социальной базы белорусского движения только единство национальной элиты давало определенный шанс на успех. Новое социалистическое руководство БНК значительно меньше внимания уделяло национально-культурной работе.

Окончательный разрыв с Романам Скирмунтом и традициями БНК произошел в июле 1917 г., когда в Минске прошел еще один съезд белорусских партий и организаций, на котором социалисты приняли решение о роспуске БНК. Вместо него была создана Центральная рада белорусских организаций, руководство которой оказалось исключительно в руках социалистов. При этом наиболее радикальная часть социалистов фактически высказалась против автономии, подменяя ее широким местным самоуправлением. В частности, эту позицию отстаивал Александр Цвикевич[23].

Съезд показал, что для большинства белорусских социалистов национальная идея вместе с лозунгом автономии Беларуси отошла на второй план перед перспективой успеха в классовой борьбе. Руководитель БСГ Дмитрий Жилунович позднее, вспоминая об этом съезде, писал: «Буржуазия, хоть и своя, хоть вдохновленная возрожденческим движением, всё же буржуазия. Значит — она враг»[24].

В белорусской историографии распространено мнение, что «демократизация» главной организации белорусского движения, а также углубление системного кризиса страны способствовали его дальнейшему развертыванию. Однако на самом деле произошла не «демократизация», а радикализация этой организации. Возможно, эти перемены действительно увеличили число сторонников белорусского движения. Но, очевидно, что их в большей степени притягивала социалистическая идея.

Национальная деятельность Центральной рады была почти незаметной. 17 октября 1917 г. на своей II сессии она была распущена. Руководящим органом белорусского движения стала Великая Белорусская рада, которая попыталась вернуться к идее консолидации разных политических сил на платформе борьбы за автономию Беларуси, но было уже поздно.

Через всю историю белорусского движения в 1917 г. «красной нитью» проходит борьба социалистической доктрины в варианте общероссийских политических партий с национальной идеей и концепцией национального единства. Понятно, что в 1917 г. она была в большей степени формальной, но и форма в исторических событиях часто играет важную роль. Особенно в периоды, когда история ускоряет свой ход и определяющими становятся уже не годы, а месяцы и даже дни.

Между тем после событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде, когда провалился большевистский план захвата власти, в политической жизни революционной России начали доминировать «правые» силы. Однако это продолжалось недолго. После подавления «корниловского мятежа» в конце августа ситуация кардинально изменилась. Большевики прекрасно использовали «мятеж» и вернулись на политическую арену в качестве одного из главных акторов.

В ночь на 25 октября 1917 г. большевики свергли Временное правительство. Начался новый этап революции. Следует отметить, что государственный переворот прошел незаметно для Минска и для окраин. Большинство жителей Рос-

сии не поняли значения этого события. А большевики, чтобы придать своим действиям подобие законности, вечером 26 октября на II съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов провозгласили известные декреты о мире и земле. Съезд поддержал их без обсуждения. Было сформировано правительство (Совет народных комиссаров) во главе с Владимиром Ульяновым (Лениным). Срок его деятельности был ограничен созывом Учредительного собрания, который должен был начать свою работу в ноябре 1917 г.

Планы большевиков по разрушению старого «буржуазного» (демократического) порядка и строительству социалистического государства не могли опираться только на усилия членов их партии. Для «расчистки территории» следовало сделать своими союзниками социальные низы, рабочих и крестьян, которые ничего не знали о социализме и тем более о диктатуре пролетариата. Как отметил Ричард Пайпс, большевики поставили перед ними понятную и привлекательную задачу, которую можно выразить словами «Грабь награбленное!»[25].

Бывшую империю фактически отдавали на грабеж «массам». Большевистский Декрет о земле, который передавал общинам все пахотные земли, вызвал очередной крестьянский бунт, пламя которого охватило Беларусь. Провозглашенный «рабочий контроль» обернулся тем, что рабочие начали делить между собой все доходы своего предприятия. Солдаты-фронтовики грабили войсковые склады и подстрекали крестьян прифронтовых деревень к грабежам помещичьих имений и убийству их владельцев. Фактически вместе с понятием частной собственности исчезали представления о государственной собственности.

В то время как народные массы занимались грабежом, большевики во главе с Лениным и Троцким планомерно ликвидировали своих политических противников. В результате уже через две недели после большевистского переворота в России не осталось и следа от 12-летнего конституционализма. Диктатура пролетариата в варианте большевиков означала фактическое возвращение самодержавия. Декреты Совнаркома, написанные Лениным, сразу же приобретали силу закона.

Большевики захватили власть в Минске и в восточной Беларуси в первой половине ноября. Повсеместно возникали военно-революционные комитеты, которые опирались на большевизированные войска Западного фронта. Возглавлял эту власть Минский совет рабочих и солдатских депутатов во главе с большевиком Карлом Ландером. Стремясь к легитимности своей власти, в середине ноября большевики провели в Минске III съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губ., съезд рабочих и солдатских депутатов Западной области и II съезд армий Западного фронта.

Между тем ситуация в Беларуси становилась всё более трагической. Жертвами бунта крестьян и солдат всё чаще становились землевладельцы вместе с семьями. Инициаторами грабежей в прифронтовой полосе и их наиболее активными участниками были дезертиры. Так, в феврале 1918 г. было разгромлено

имение Савичи Эдварда Войниловича. Предупрежденный одним из служащих, он сумел спастись вместе с женой, но жилой дом и хозяйственные постройки были разграблены полностью. Перестал существовать и семейный архив, где хранились документы XVI–XVII вв., многие из которых были написаны на белорусском языке. Э. Войниллович всегда помнил о своих белорусских корнях и оказывал поддержку культурным инициативам белорусского движения. Однако ни это, ни традиционно хорошие отношения с крестьянами окрестных деревень не помогли избежать беды.

Для многих землевладельцев Минской, Могилевской и Витебской губ. грабежи закончились еще более трагически. Большевики превратили социальный конфликт в настоящую войну, в которой исчезали традиционная доброжелательность и сдержанность белорусского крестьянства вместе с патриархально-патерналистскими настроениями местных землевладельцев. До середины февраля 1918 г. в Беларуси было конфисковано и разграблено около 13 тыс. имений и частных хозяйств[26].

Крестьянский бунт этого периода закладывал фундамент белорусского общества и государства без Скирмунтов и Радзивиллов. Безусловно, определяющую роль сыграла большевистская агитация, которая пропагандировала социальную ненависть, гарантировала безнаказанность и тем самым поощряла насилие и убийства. Однако ответственность перед историей за совершенные преступления также несут «тутейшие» белорусы. Погромы того времени были выстрелом в собственное будущее, и на курок нажимали не члены ЦК ВКП(б), а белорусские крестьяне и солдаты. Социальная ненависть побеждала национальную идею и солидарность. Именно это можно считать одним из наиболее важных результатов большевистского этапа Российской революции.

Между тем в ноябре 1917 г. прошли выборы в Учредительное собрание, которые в Минском округе оказались крайне неудачными для белорусского движения, представленного только Белорусской социалистической громадой. Победили большевики, которые благодаря солдатам Западного фронта и блоковым соглашениям с Социал-демократией Королевства Польского и Литвы, ППС-левицей и Латышской социал-демократической партией набрали 63,1% голосов. Вторыми были эсеры вместе с бундовцами и меньшевиками — 21,7%. БСГ набрала только около трех тысяч голосов (0,3%)[27]. Газета «Вольная Беларусь» сообщила, что в Минске за БСГ проголосовал только 161 выборщик из 35,6 тыс.[28] В трех белорусских округах (Могилевском, Минском и Витебском) и на Западном фронте белорусские партии и организации набрали около 19 тыс. голосов из 1614 тыс.[29] Это был сильный удар по престижу белорусского движения.

Анализируя причины этой неудачи, Станислав Рудович обратил внимание не только на гипноз большевистских обещаний, но также на политическую неопытность и разногласия в белорусском движении. Однако главной причиной было то, что белорусская национальная идея получала значительно большую

поддержку среди беженцев-белорусов за границами Белорусского края, чем на его территории. Свою роль сыграла также переориентация белорусских политиков на идею созыва белорусского Учредительного собрания.

Успех большевиков, который сопровождался «вихрем» разрушения имений и расправами с политическими оппонентами, а также мирные переговоры в Бресте вновь поставили в повестку дня белорусского движения вопрос о государственно-политическом выборе. Уже в середине ноября прозвучало предложение о созыве Всебелорусского съезда. Неутешительные результаты выборов в Учредительное собрание заставили ускорить организационную деятельность. Она проходила в условиях жесткой конфронтации между белорусским движением и органами власти большевиков в Минске. Последние рассматривали белорусское движение как реальную угрозу своему господству в Беларуси. Несмотря на все проблемы, съезд, который собрал около 1900 делегатов со всей Беларуси, начал свою работу в Минске 5 декабря 1917 г. По-прежнему доминировали представители социалистических партий и организаций белорусского движения.

По вопросу самоопределения Беларуси съезд балансировал между идеей независимости, которая постепенно находила всё большую поддержку, и концепцией автономии в границах федеративной и демократической России. Не случайно в протоколах и стенограммах заседаний съезда и его комиссий очень часто встречается термин «Белорусская республика». Делегаты уже не воспринимали Беларусь как «Северо-Западный край» России. Для многих она превратилась в самостоятельный субъект будущей Российской федерации со своей культурой, историей и традициями. Всё это приближало национальных активистов к идее государственной независимости, тем более что и она присутствовала на съезде, хотя обычно становилась объектом критики. Сторонники автономии преобладали на съезде. Не последнюю роль в их успехе сыграл фактор мирных переговоров в Бресте. Многие рассчитывали, что советская делегация будет отстаивать интересы Беларуси и ее народов. На самом же деле большевики больше думали о сохранении собственной власти.

Последнее волновало также большевистских руководителей так называемой «Западной области». В ночь на 18 декабря части гарнизона окружили здание театра в Минске, где проходил съезд и, угрожая оружием, разогнали его участников. Президиум съезда был арестован. Эти преступные действия ясно показали отношение большевиков к идее самостоятельности Беларуси, а для деятелей белорусского движения были важным уроком. По мнению С. Рудовича, разгон Всебелорусского съезда приостановил естественный процесс превращения белорусов из этнической группы в современную политическую нацию. Дальнейшая трансформация в этом направлении пошла «извилистыми дорогами, оказалась замедленной и деформированной»[30].

Однако полностью перечеркнуть результаты Всебелорусского съезда большевики не сумели. Съезд успел принять решение о передаче всей власти Раде

(Совету) Всебелорусского съезда, которая и была избрана. Утром 18 декабря на нелегальном собрании Рада сформировала свой Исполнительный комитет во главе с членом ЦК БСГ Томашем Грибом, который обязался провести в жизнь все решения съезда. Правда, Исполкому и Великой Белорусской раде пришлось перейти на нелегальное положение.

После Всебелорусского съезда мало кому приходило в голову вспоминать неудачные для белорусского движения результаты выборов в Учредительное собрание. Белорусское движение в полной мере проявило свой потенциал и заставило считаться с ним все существующие на белорусской земле политические силы. В отличие от Рады Всебелорусского съезда, которая объединила сторонников белорусской автономии в границах социалистической федеративной России, Р. Скирмунт будущее края связывал с демократической традицией и был противником социалистических преобразований в большевистском варианте. Деятель польского движения в Беларуси Ежи Осмоловский в своих воспоминаниях утверждал, что в декабре 1917 г. Скирмунт создал и возглавил консервативный «Белорусский комитет» как альтернативу Раде съезда[31].

Информация об этом комитете встречается также в более поздних документах. В феврале 1918 г., когда большевики уже оставили Минск, комитет превратился в известное Минское белорусское представительство (Белорусское народное представительство)[32], которому суждено было сыграть заметную роль в истории Белорусской Народной Республики.

В январе 1918 г. позиции партии Ленина и Троцкого значительно укрепились. Это стало очевидным после разгона Учредительного собрания 5 января 1918 г. На этот разгон население России почти не отреагировало. Похоже, хаос и анархия 1917 г. всех утомили. Ощущалось желание «твердой власти», и именно оно способствовало легитимизации большевитской диктатуры в сознании людей. Эти события можно также считать последним аккордом Российской революции.

А в Минске большевики сумели очень быстро настроить против себя даже тех, кто первоначально им сочувствовал. Кроме ликвидации демократических свобод, нормой жизни в Минске в конце 1917 г. стала угроза голода. Как обычно, большевики боролись с экономическими проблемами политическими декретами и репрессиями против «буржуев». Они так и не сумели обеспечить город и его жителей продуктами питания. На рост недовольства большевики ответили репрессиями. Они распустили Минскую городскую думу, избранную в мае 1917 г., и арестовали деятелей белорусского движения.

В феврале ситуация на фронте резко изменилась. Германская армия возобновила наступление, большевики в панике покинули Минск, в который 21 февраля прибыл первый эшелон с немецкими войсками. Вскоре на вокзале появилась делегация представителей белорусских и польских организаций, в составе которой был также Р. Скирмунт. Он от лица белорусов приветствовал немецкое командование и высказал надежду, что немецкие власти проявят великодушие и доброжелательность по отношению к мирному населению.

Если основываться исключительно на газетной информации, то следует признать, что Минск действительно приветствовал появление немецких войск. Так, «Вольная Беларусь» констатировала: «Радуется весь Минск, потому что большевики с чужаками во главе (Ландер, Берсон, Мясников, Резавский — латыши, русские и евреи) обходились с минчанами как татары при наезде Батыя. Аресты, штрафы, стрельба сыпались на людей как из рога изобилия»[33]. Очевидно, что минчане действительно устали от большевистского господства и начало немецкой оккупации восприняли как шанс на нормализацию жизни.

Белорусские политики решили использовать шанс, который давала очередная перемена власти. Тот урок «политической грамоты», который в декабре 1917 г. преподали белорусам в Минске большевики, был хорошо усвоен. В начале 1918 г. в белорусском движении усилились позиции сторонников независимого национального государства. Важную роль в этом процессе сыграли известные белорусские политики из Вильно братья Иван и Антон Луцкевичи и Вацлав Ластовский. Работая в условиях немецкой оккупации (от сентября 1915 г.), они не видели иной возможности «организовать Беларусь».

21 февраля 1918 г. Исполком Рады Всебелорусского съезда издал Первую Уставную грамоту, в которой заявил о создании Народного секретариата как временной власти в Беларуси и созыве Всебелорусского учредительного собрания. Вот ключевой абзац этой грамоты: «Исполнительный комитет совета 1-го Всебелорусского съезда, пополненный представителями революционной демократии национальных меньшинств, осуществляя задачу, возложенную на него съездом, объявляет себя временной властью Белоруссии, приступающей к управлению краем и к скорейшему созыву Всебелорусского Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального избирательного права для всего взрослого населения без различия национальности, вероисповедания и пола. Временную народную власть в крае, ставящую себе задачей защиту и укрепление завоеваний революции, будет осуществлять созданный нами Народный секретариат Белоруссии, каковой с сего числа вступил в исполнение своих обязанностей»[34].

Всё это еще можно было трактовать в рамках прежней борьбы за автономию Беларуси. Однако действительной целью белорусского движения становилась государственная независимость. 9 марта было провозглашено создание Белорусской Народной Республики, а 25 марта 1918 г. Народный секретариат заявил о ее независимости. С этого момента белорусское государство как форма наиболее полной реализации права белорусов на самоопределение стала важнейшей составляющей национальной идеи.

***

Свержение самодержавия в России в начале марта 1917 г. создало условия для активизации белорусского движения, главной целью которого стала

автономия Беларуси в границах демократической и федеративной России. Процесс демократизации, казалось бы, создавал условия для решения наиболее важных задач белорусского национально-культурного возрождения. И действительно, весной и летом 1917 г. «белорусский вопрос» отчетливо обозначил свое присутствие в политической, общественной и культурной жизни Минска и восточной Беларуси. Однако в это же время активизировались те политические силы, которые видели в белорусском возрождении опасность сепаратизма и угрозу «единой и неделимой» России. Их лагерь объединил представителей как общероссийских социалистических партий, так и организаций «правого» и консервативного направления. Деятельность этого лагеря была серьезной преградой для белорусского движения.

Политические перемены способствовали консолидации национальных сил, что было характерно для деятельности Белорусского национального комитета и его первого руководителя Романа Скирмунта. Правда, отсутствовало единое понимание автономии Беларуси. Если Р. Скирмунт склонялся к идее автономии в границах «исторической Литвы», то большинство белорусских социалистов видело территориальные границы этой автономии в пределах территории преобладания белорусского языка и его диалектов (Минская, Могилевская, Витебская, Гродненская губ., бóльшая часть Виленской губ. и некоторые поветы Черниговской и Смоленской). А по мере радикализации революции «левая» часть членов БСГ фактически выступила против автономии, подменяя ее местным самоуправлением.

Период белорусского единства не был продолжителен. Развитие Российской революции сопровождалось быстрым ростом популярности социалистической идеологии и доминированием наиболее радикальных «левых» политических сил. В белорусском случае социальная ненависть оказалась сильнее национальной солидарности. Это значительно ослабило политический потенциал белорусского движения и не позволило использовать те возможности, которые создавала Российская революция.

В государственном перевороте 25 октября 1917 г. Роман Скирмунт увидел опасность погружения Беларуси в хаос и анархию. «Крестьянский бунт» конца 1917 — начала 1918 г. только подтвердил его опасения. А для белорусских социалистов, которые связывали свои надежды с правительством Ленина, настоящим потрясением был разгон большевиками Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. Большевики ясно дали понять, что не допустят никакого народного или национального волеизъявления, если оно угрожает их власти в Беларуси.

Этот момент был определяющим для новой программы белорусского движения, в которой место автономии заняла государственная независимость. Большевистская диктатура значительно ускорила этот процесс. В феврале–марте 1918 г. идея независимого государства вновь объединила разрозненные силы белорусского движения. Однако в условиях немецкой оккупации осуществить эту идею в полной мере оказалось невозможным.

[1] В данной статье революционные события в России рассматриваются как этапы одной Российской революции, которая началась в феврале 1917 г. свержением династии Романовых и закончилась в январе 1918 г. разгоном большевиками Учредительного собрания. Последнее событие концом революции предлагал считать известный американский историк Ричард Пайпс в книге «Русская революция» (М., 1994), и автор с ним полностью согласен.

[2] См., напр.: *Смалянчук А.* «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі. Мінск, 2017.

[3] *Смалянчук А.* Раман Скірмунт (1868–1939): жыццяпіс грамадзяніна Краю. Мінск, 2018.

[4] Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XX ст.: У 2-х кн. Кн. 1 / Рэд. А. А. Каваленя і інш. Мінск, 2011. С. 249.

[5] См. напр.: *Ponarski Z.* Konfederacja Wielkiego Księstwa Litewskiego 1915–1916 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1998. N 10. S. 57–68.

[6] *Мікалаевіч А.* Бежанцы Першай сусветнай вайны // Спадчына. 1994. № 3. С. 19; *Карнялюк В.* Праблема гісторыка-дэмаграфічнай характарыстыкі бежанцаў з беларускіх зямель (1914–1918 гг.) // Веснік ГрДУ. 2000. Сер. 1. № 2 (4). С. 24.

[7] *Рудовіч С.* Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. Мінск, 2001. С. 78.

[8] Минская газета. 1918. 1 января, № 1924. С. 2.

[9] *Войнилович Э.* Воспоминания. Минск, 2007. С. 241.

[10] Все даты до середины февраля 1918 г. даются по юлианскому календарю. Далее — по григорианскому.

[11] Цит. по: *Рудовіч С.* Час выбару. С. 79. Переводы текстов с белорусского языка авторские.

[12] Там же.

[13] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1778. Оп. 1. Д. 244 и сл.

[14] *Гадлеўскі В.* Зь беларускага палітычнага жыцьця ў Менску // Спадчына. 1997. № 5. С. 21–22.

[15] *Рудовіч С.* Час выбару. С. 92–93.

[16] Nowy Kurier Litewski. 1917. N 126.

[17] Вольная Беларусь. 1917. 21 ліпеня, № 8. С. 2.

[18] Новое Варшавское утро. 1917. 16 июня, № 386. С. 3.

[19] Там же. 14 мая, № 333. С. 3.

[20] *Я. Л-к* [*Я. Лёсік*]. Нашы патрэбы // Вольная Беларусь. 1917. № 19. («...права заводзіць у сябе свае парадкі, як права на тое, каб наша родная беларуская мова скрозь панавала ў нашым краю, каб на ёй вучыліся, гаварылі, каб яна ўжывалася нараўне з расійскай ва ўсіх урадавых інстытуцыях; каб развівалася наша беларуская культура, літэратура, умеласьць, каб мы, беларусы, сталі нараўне і поплеч з усімі народамі, што жывуць на сьвеці — з расійцамі, палякамі, францускамі, ангельцамі і т. д.»).

[21] URL: https://be.wikisource.org/wiki/Аўтаномія_Беларусі (дата обращения 09.09.2019).

[22] *Рудовіч С.* Час выбару. С. 126.

[23] *Смалянчук А.* Раман Скірмунт (1868–1939): жыццяпіс грамадзяніна Краю. С. 312.

[24] *Ж. Х. З.* [*З. Жылуновіч*]. Уступамі да Акцябра (Матэр'ялы да гісторыі Савецкай Беларусі) // Полымя. 1923. № 7–8. С. 89.

[25] *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 184.

[26] Гісторыя Беларускай ССР / Пад рэд. І. Ігнаценкі і інш. Т. 3. Мінск, 1973. С. 94.

[27] *Воробьев А.* Выборы в Учредительное собрание на территории северо-западных губерний России (Витебской, Минской, Могилевской, Псковской и Смоленской). Могилёв, 2013. С. 42–43.

[28] Вольная Беларусь. 1917. 8 снежня, № 33. С. 3.

[29] *Рудовіч С.* Час выбару. С. 163.

[30] Там же. С. 189.

[31] Biblioteka Uniwersytetu Jagiellońskiego. Sygn. 9818. I. k. 211. Osmołowski J. Wspomnienia.

[32] Беларускі шлях. 1918. 8 сакавіка. № 1. С. 2.

[33] Вольная Беларусь. 1918. 19 февраля, № 6. С. 3.

[34] *Турук Ф.* Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белоруссов: с приложением образцов белорусской нелегальной литературы, важнейших документов белорусских политических партий и национальных организаций и этнографической карты белорусского племени, составленной акад. Е. Ф. Карским. Минск, 1994. С. 111.

References

GADLEWSKI V. *Z» belaruskaga palitychnaga zhyc»cja w Mensku* [In Belarusian] // Spadchyna. 1997. N5.

Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII — pachatku XX st. [In Belarusian]: *U2-h kn. Kn. 1* / Rjed. A. A. Kavalenja i insh. Minsk, 2011.

Gistoryja Belaruskaj SSR. [In Belarusian] / Pad rjed. I. Ignacenki i insh. T. 3. Minsk, 1973.

KARNJALJUK V. *Prablema gistoryka-djemagrafichnaj haraktarystyki bezhancaw z belaruskih zjamel» (1914–1918 gg.)* [In Belarusian] // Vesnik GrDU. 2000. Seryja 1. N2 (4).

MIKALAEVICH A. *Bezhancy Pershaj susvetnaj vajny* [In Belarusian] // Spadchyna. 1994. N3.

PAJPS R. *Russkaya revolyuciya. Ch. 2.* Moscow, 1994.

PONARSKI Z. *Konfederacja Wielkiego Księstwa Litewskiego 1915–1916* [In Polish] // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1998. N10. S. 57–68.

RUDOVICH S. *Chas vybaru. Prablema samavyznachjennja Belarusi w 1917 g.* [In Belarusian]. Minsk, 2001.

SMALJANCHUK A. *"Krajovaja idjeja" w belaruskaj gistoryi.* [In Belarusian]. Minsk, 2017.

SMALJANCHUK A. *Raman Skirmunt (1868–1939): zhyccjapis gramadzjanina Kraju.* [In Belarusian]. Minsk, 2018.

TURUK F. *Belorusskoe dvizhenie: ocherk istorii nacional`nogo i revolyucionnogo dvizheniya belorussov: s prilozheniem obrazczov belorusskoj nelegal`noj literatury`, vazhnejshix dokumentov belorusskix politicheskix partij i nacional`ny`x organizacij i e`tnograficheskoj karty` belorusskogo plemeni, sostavlennoj akad. E. F. Karskim.* [In Russ.]. Minsk, 1994.

VOJNILOVICH Je. *Vospomunanuja.* [In Belarusian]. Minsk, 2007.

VOROB`EV A. Vy`bory` v Uchreditel`noe sobranie na territorii severo-zapadny`x gubernij Rossii (Vitebskoj, Minskoj, Mogilyovskoj, Pskovskoj i Smolenskoj). [In Russ.]. Mogilyov, 2013.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Александр Смоленчук. Идея автономии в белорусском национальном движении в период Российской революции 1917–1918 гг. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 136–153

Аннотация: Весной 1917 г. идея белорусской автономии в составе федеративной и демократической Российской республики стала доминирующей в белорусском национальном движении. В ее распространении большую роль сыграли социалисты Белорусской социалистической громады. За ним последовали и сторонники «краевой» идеи. Один из них, Роман Скирмунт, в марте 1917 г. возглавил Белорусский национальный комитет. Рассматривались различные варианты автономии — от понятия «этнографической Беларуси» до идеи административного единства белорусско-литовского региона. Идея автономии ненадолго объединила представителей различных политических групп. Идея о сильном центральном государстве господствовала в политической жизни России благодаря войне. Ее поддержали самые разные политические группы — от монархистов до большевиков. Революция стала более радикальной в 1917 г. Основной задачей политической жизни стало социальное преобразование, национальные проблемы утратили приоритет, что и повлекло раскол в белорусском движении. Самое радикальное течение БСГ стало его лидером летом 1917 г. и рассматривало белорусскую автономию как проявление

«контрреволюции». Только после захвата власти большевиками идея автономии вновь актуализировалась. Во время Белорусского конгресса в Минске (декабрь 1917 г.) эта идея оказалась доминирующей. Однако время было упущено. Централизм большевиков, а также стремление литовцев и поляков к независимости внесли в повестку белорусской политики идею независимого государства. Независимость Белорусской Народной Республики была провозглашена в Минске 25 марта 1918 г.

Ключевые слова: автономия Беларуси, Роман Скирмунт, Белорусский национальный комитет, Белорусский конгресс (декабрь 1917 г.).

FOR CITATION

Aleksander Smalianchuk. The Idea of Autonomy in Belarusian National Movement during the Russian Revolution 1917–1918 // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 136–153

Abstract: In the spring 1917, the idea of Belarusian autonomy within a federal and democratic Russian Republic became dominant in the Belarusian national movement. Socialists from Belarusian Socialist Assembly (BSA) took a great role in this idea spreading. Followed as well as by supporters of the "krajovaja" idea. One of them, Roman Skirmunt in March 1917 led the Belarusian National Committee. At this time, various options of autonomy were considered – from the concept of "ethnographic Belarus" to the idea of administrative unity of Belarusian-Lithuanian region. The idea of autonomy has brought together representatives of the various political groups. However, that didn't last long. The idea of a strong central state prevailed in the political life of Russia due to war. It has been supported by variety of political groups – from the Monarchists to the Bolsheviks. In addition, the revolution has gotten radicalized in 1917. The primary task of political life has become social reformation. National issues lost their priority.

All this led to a split in the Belarusian movement. The most radical stream of BSA became its leader in summer 1917, which considered Belarusian autonomy as a manifestation of "counterrevolution". Only after the Bolshevik seizure of power in autumn, the idea of autonomy actualized again. During Belarusian Congress in Minsk (December 1917) this idea has proved to be a dominant one. However, the time has gone. Finally, the centralism of the Bolsheviks, as well as a clear commitment to the independence by Lithuanians and Poles has put on the agenda of the Belarusian politics the idea of an independent state. The independence of the Belarusian People's Republic was proclaimed in Minsk on March 25, 1918.

Key words: autonomy of Belarus, Roman Skirmunt, Belarusian National Committee, Belarusian Congress (December 1917).

Автор: **Смоленчук, Александр** – д. и. н., профессор, Институт славистики Польской академии наук.

Author: **Smalianchuk, Aleksander** – Dr. of Sciences, Professor, Instytut Slawistyki, Polska Akademia Nauk.

E-mail: aleksander.smalianchuk@ispan.waw.pl